

УДК 9.930.2

Внешнеполитическая деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири на Дальнем Востоке в 50–80-х гг. XIX в. (по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири)

Е. Л. Пономарева

Информационно-методический центр развития образования, г. Иркутск

Аннотация. На основании материалов всеподданнейших отчетов рассматривается дипломатическая деятельность генерал-губернаторов. Представлены основные ее направления: работа наместников по закреплению за Российской империей дальневосточных окраин, организации международного сотрудничества и обеспечению безопасности границ Российской империи.

Ключевые слова: генерал-губернаторы Восточной Сибири, внешняя политика, Айгунский договор, Дальний Восток, международное сотрудничество, безопасность государственной границы.

Восточно-Сибирское генерал-губернаторство во второй половине 50–80-х гг. XIX в. выделялось среди прочих – это огромный край, где необходимо было осваивать приобретенные земли, строить отношения с сибирскими народами, налаживать сотрудничество с иностранными государствами. К этим обстоятельствам присоединялась еще чрезвычайная отдаленность края от Петербурга и Москвы, а следовательно, и от правительственного надзора. Все это предопределяло особую структуру управления Сибирским краем и наделение его правителей большими властными полномочиями для оперативного рассмотрения дел, принятия решений на месте и контроля над местной властью в целях пресечения произвола. Управление Восточной Сибирью было возложено на генерал-губернаторов, которые руководствовались в своей деятельности инструкцией конца XIX в., где четко указывалось, что «они суть, прежде всего, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае» [6, с. 8].

О результатах своей деятельности генерал-губернаторы докладывали во всеподданнейших отчетах. Это источник по истории Восточной Сибири, содержание которого охватывает наиболее важные моменты жизни края, а периодичность документа позволяет проследить явления политической и социально-экономической жизни региона в развитии. Особенности должности наместников отражались в тексте документов. Как сказано в воспомина-

ниях Б. В. Струве, «Муравьев [при составлении отчета] имел в виду *государственную* цель первостепенной важности...» [10, с. 72].

Важнейшая обязанность главного начальства края определялась характером имперской региональной политики. Генерал-губернатор Д. Г. Анучин писал об этом так: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с империей через посредство Наместника, как представителей верховной власти...» [9, с. 22], то есть реализация административно-территориальных и геополитических задач Российской империи зависела от успеха внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов. Поэтому они большую часть своей деятельности посвящали работе по закреплению за Россией территорий Дальнего Востока, охране государственной границы и укреплению позиций Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Систему отношений с Китаем определил подписанный 16 мая 1858 г. Айгунский русско-китайский мирный договор, обозначивший «русско-китайскую границу по реке Амур; территорию восточное реки Уссури объявил совместным владением России и Китая до окончательного разграничения; судоходство по Амуру и его притокам Уссури и Сунгари разрешил только России и Китаю» [8, с. 143]. Россия официально закрепила за собой огромные территории площадью более 500 тыс. кв. м, которые были разделены на две части: «Вся территория края от реки Уссури до Тихого океана и далее к северу по берегу до границы Якутской области, включая устье Амура, вошла в уже существовавшую к тому времени Приамурскую область, а принадлежавший России левый берег Амура от впадения в него Уссури до границы Забайкальской области составил Амурскую область» [7].

После подписания трактата генерал-губернаторы работали над сохранением результатов договора и расширением российского влияния на приграничных землях.

Так, в отчете за 1862 г. генерал-губернатора М. С. Корсакова сказано: «С учреждением постоянного дипломатического представительства в Угре, Тендзине и Хокодазе, непосредственное заведывание дипломатических сношений с сопредельными Восточной Сибири государствами перешло в распоряжение МИД, тем не менее главное начальство Восточной Сибири не упустительно следило за поддержанием дружественных сношений по обширной восточной границе Империи и принимало нужные меры к усилению нашего нравственного влияния, как на пограничных подданных Китая, так и в особенности на полузависимых туземцев Амурской области и о. Сахалина» [2, с. 84–84 об.]. В том же документе отмечено: «Сношения русских с монголами и китайцами по сухопутной нашей границе и по Амуру были вообще весьма дружественные. При этом особенное внимание местного начальства было обращено на то, чтобы они энергически настаивали на исполнении пограничными Китайскими начальниками установленных трактатами обязательств, с другой стороны старались об удовлетворении всех

справедливых жалоб и претензий, возникавших со стороны соседственных нам жителей...» [2, с. 84 об.].

Генерал-губернатор описывает в отчете основную задачу внешнеполитической деятельности: через привлечение приграничных жителей на сторону России закрепить за ней земли по границе между странами и уменьшить количество приграничных конфликтов.

Необходимым фактором развития Сибири наместники считали установление прочных экономических взаимоотношений с соседними странами. В отчете 1864 г. сказано: «В видах открытия торговых сношений с соседними китайскими провинциями посредством р. Сунгари, впадающей в Амур, в лето 1864 г. была отправлена в Маньчжурию вверх по Сунгари экспедиция на одном из казенных пароходов, которой поручено было подробно ознакомиться с этой страной и собрать по возможности сведения об экономическом ее состоянии. Несмотря на то что китайские власти, вопреки требованиям трактата положили разные препятствия, как в следовании парохода, так и в собрании сведений, экспедиция эта успела пройти до г. Гирени... 1058 верст, из представленного ею отчета, что Сунгари должен иметь густое население, изобилием всеми продуктами земледелия, скотом и проч., и что Китайский народ охотно хотел завести с нами торговые сношения. Поэтому открытие означенного торгового пути будет весьма полезно для снабжения Приморской области теми предметами продовольствия, которые с большими издержками доставляются туда ныне из Забайкальской области» [3, с. 91–91 об.].

Развитие торговли позволит, по мнению главного начальства края, уменьшить количество приграничных конфликтов и решить проблему обеспечения края продовольствием.

О положительном влиянии приграничной торговли на развитие Сибири говорят следующие сведения того же отчета: «Возрастание торгового значения села Хабаровка побудило главное начальство края войти с ходатайством к верховному правительству о переименовании сего селения в город с учреждением в нем особого полицейского управления, так как возникновение постоянных торговых сношений с Китайскими подданными требуют административного контроля начальства. Ходатайство Главного Управления по этому предмету находится в министерстве внутренних дел» [3, с. 90 об.].

В то же время генерал-губернаторы указывали на необходимость контроля над осуществлением торговых сношений, так как нередко были случаи злоупотреблений со стороны иностранных купцов, что наносило вред развитию государства. Так, например, в отчете М. С. Корсакова сказано: «Привоз иностранными моряками в Амурский край крепких напитков по дешевизне цены на оные, послужили, как объясняет военный губернатор Приморской области, к чрезвычайному усилению пьянства между местными жителями... Чтобы предупредить дальнейшее развитие этого порока, и в то же время извлечь из торговли крепкими спиртными напитками хотя некоторую пользу для края, Военный губернатор полагал привоз из-за границы в порта Амура крепких спиртных напитков обложить сбором акциза и упо-

требить оный на устройстве в том крае новых поселений и других местных потребностей. Предположение это было в 1864 г. рассмотрено в Совете Главного Управления Восточной Сибири, который нашел, что неудобно было бы принимать какие либо меры к ограничению торговли... но с другой стороны, принимая во внимание весь вред, который может происходить от дальнейшего усиления пьянства для нравственного и экономического состояния еще такого слабого Амурского края населения, признано необходимым, в тех видах, что употребление заграничного вина сделать менее доступным, обложить его акцизом по 6 рублей с ведра...» [3, с. 92 об. – 93 об.].

Возможность подобных ситуаций возникла в связи с недостаточностью пограничной стражи. Кроме отмеченных негативных явлений в торговле, слабость приграничного контроля приводила к многочисленным нарушениям границы. Генерал-губернаторы указывают в отчетах на развитие контрабанды, хищническое уничтожение природных ресурсов иностранными подданными, проникновение на нашу территорию нежелательных лиц, как, например, буддийских лам и китайских разбойников. Деятельность лам являлась серьезной помехой в привлечении местных народов в русское подданство и ослабляла русское влияние на землях местных народов, что мешало процессу государственного строительства. А многочисленные китайские банды, перекрывая торговые пути и разоряя приграничные поселения, разрушали и без того слабую экономику на этих территориях.

В одиночку решить такие проблемы местной администрации было не под силу. Необходимо было налаживать взаимодействие с китайскими властями. Если помощь в противостоянии ламам получить у китайского правительства было сложно, так как оно было заинтересовано в их деятельности, то многочисленные банды мешали и развитию Китая, поэтому генерал-губернаторам удалось наладить совместную борьбу с ними.

В отчете за 1878 г. генерал-губернатор барон П. А. Фридерикс пишет, что в приграничных с Маньчжурией территориях «беспорядки длятся уже два года подряд» [5, с. 79]. Разбойники Хунхузы, занимая торговые пути, совсем останавливают движения на них. Для борьбы с ними китайские власти посылали плохо вооруженные отряды, которые не могли остановить беспорядки. Поэтому генерал-губернатор отправил в Министерство иностранных дел предложения по укреплению границы: во-первых, «установить против каждого нашего караула китайский» [5, с. 91], во-вторых, предупредить через советников китайские власти в Пекине о том, что они будут оплачивать приграничным жителям нанесенный бандами ущерб.

Если с Китаем, несмотря на сохранившиеся противоречия между странами, генерал-губернаторам удалось наметить пути сотрудничества, то отношения с Японией только обострились. Главной причиной споров стал остров Сахалин.

Присоединение Сахалина произошло в 1875 г. Тогда Россия получила возможность осуществить те «предположения, которые возможны только при исключительном владении им» [4, с. 44 об.]. П. А. Фридерикс имел в виду прежде всего возможность организации добычи полезных ископаемых

и уголовной каторги и ссылки. «Богатые залежи каменного угля, – пишет генерал-губернатор, – дают возможность сосредоточить для разработки их значительное число уголовных преступников, а климатические и почвенные условия, особенно в южной части острова, обещают успех земледельческих пенитенциарий и вообще ручаются за экономическое развитие колонии» [4, с. 44 об.].

Однако еще до заключения Петербургского договора М. С. Корсаков в отчете за 1865 г. описывал проблемы в отношениях с Японией: «Что же касается до сношений наших с Японией, – сказано в документе, – то они, главным образом касались владения островом Сахалином. В последнее время японцы с возрастающей настойчивостью стали воздвигать свою колонизацию на этом острове сверху, и всеми мерами стараются подчинить своему владычеству туземцев Айнов. Вместе с колонизацией японское правительство не упускало из виду и возможной защиты острова. С нашей же стороны занятие Сахалина ограничивается только учреждением на западе его 2 постов и со времени уничтожения наших постов в Аниве, мы несколько к югу не продвинулись. Такое настойчивое стремление японского правительства утвердиться на Сахалине и нарушить дальнейшее распространение нашего влияния, на острове в виду важности утверждения для России всего Сахалина, а особенно к упрочению наших владений на юго-восточных берегах Тихого океана, не могло не вызвать с нашей стороны более решительных и энергических мер (подчеркнуто в источнике. – *Е. П.*), к удержанию за собой влияния на туземное население, которое готово охотно принять наше покровительство и стать под нашу защиту от угнетения...» [1, с. 97 об. – 98].

Михаил Семенович, описывая в отчете трудности в освоении Сахалина, оказывается провидцем, говоря о грядущей опасности для Российской империи со стороны Японии. Обозревая в своих отчетах развитие Сибири, он замечает, что медленное освоение окраин территории страны ведет к усилению там иностранных государств, что непременно будет мешать дальнейшему укреплению государства.

Итак, внешнеполитическая деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири, осуществлявшаяся в сложных условиях, являлась главным условием закрепления России в регионе и сохранения ее территориальной целостности. Организация межгосударственного сотрудничества, совершенствование форм и системы охраны дальневосточных территорий способствовали политическому и социально-экономическому развитию края и России в целом.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 57. 2
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 667. 3
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 683. 4
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 721. 5
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 742. 6

6. Господин главный начальник края: история Восточно-Сибирского и Иркутского генерал-губернаторств / сост. И. П. Белоус [и др.] ; науч. ред. И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013 – 83 с. 7

7. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 208 с. 8

8. Наумов И. В. История Сибири : курс лекций / И. В. Наумов. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. – 256 с. 9

9. Сибирь в составе Российской империи : научное издание / И. Л. Дамешек [и др.] ; ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 364 с. 10

10. Струве Б. Воспоминания о Сибири // Рус. вестн. – 1888. – Т. 193, № 4. – С. 145–184. 1

The Foreign-Policy Activity of Governor-General of Eastern Siberia Was Far East of 50s-80s Years of the XIX Century (According to the Material of Reports of the Governors-General of Eastern Siberia)

E. L. Ponomareva

Information and Methodological Center for the Development of Education, Irkutsk

Abstract. In the article, on the basis of the materials of the most up-to-date reports, the diplomatic activity of the governors-general is examined. Its main directions are presented: the work of the governors in securing the Russian empire of the Far Eastern regions, organizing international cooperation and ensuring the security of the borders of the Russian Empire.

Keywords: governors-general of Eastern Siberia, foreign policy, Far East, international trade, security of the state border.

Пономарева Елена Леонидовна

кандидат исторических наук, методист

Информационно-методический центр

развития образования

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 26

тел.: 8(3952)34-37-05

e-mail: el1976@bk.ru

Ponomareva Elena Leonidovna

Candidate of Sciences (History),

Methodologist

Information and Methodological Center

for the Development of Education

26, Lenin st., Irkutsk, 664025

tel.: 8(3952)34-37-05

e-mail: el1976@bk.ru